



**В** какой-то момент жизни — Артем даже хорошо запомнил тот год — все складывалось как нельзя лучше. Ему было легко жить — бесконечные спонтанные поездки на несколько дней, необременительная работа, деньги, подруги, друзья...

Тогда было модно покупать недвижимость за границей. Его коллеги покупали дома, квартиры, отправляли туда детей, жен и тещ. Покупали массово, в одном поселке или деревушке — чтобы рядом были «свои люди», с которыми можно вечером выпить, закусить и поговорить. Чтобы у жен было свое «комьюнити», а у детей — свой круг общения, чему тоже в те годы придавали большое значение. Времена, когда дети дружили друг с другом не через родителей, а сами по себе, прошли. Росло поколение, которое не выбирало себе друзей — их выбирали родители. И представить себе, что в гости без звонка может зайти соседский мальчик с восьмого этажа, было невозможно. В этой компании, куда Артем

## Маша Трауб

влился совершенно случайно, через коллегу, дети занимались музыкой, английским или французским, играли в шахматы, прилично вели себя за столом. На отдыхе это сильно облегчало жизнь старшему поколению — отцы могли спокойно вздремнуть после обеда, а матери с легким сердцем отпускали сына или дочь к соседям, зная, что там чадо «плохому не научат».

Была в этой компании и «перспективная молодежь», к которой относился и Артем. Те, кто пока не был обременен семьей и детьми. Те, кто всегда мог рассказать свежий политический анекдот и вносил живую струю в неспешные, перетекающие из одного дня в другой застольные беседы уважаемых «стариков», к которым относились те обитатели этого анклава, кому было около сорока лет.

Артем впервые оказался здесь с коллегой-любовницей, она пригласила его на неделю. Он знал, что у коллеги есть бывший муж, который и оказался хозяином дома. Впрочем, сам хозяин появлялся здесь редко — дом превратился в этакий таймшер. Здесь жили поочередно. Сначала бывшая жена с очередным бой-френдом, в тот момент — Артемом. Потом приезжала жена нынешняя с сыном. Потом наступала очередь сестры с мужем, после заезжала племянница с подружкой. При этом, что удивляло Артема, все сохраняли добрососедские отношения, справлялись

## ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ

о здоровье хозяина-мужа и передавали друг другу приветы.

В тот первый раз Артем сразу попал на детский праздник. Коллега-любовница искала для соседского мальчика «интеллектуальный» подарок, а не какую-нибудь «бестолковую фигню». Не то чтобы ее волновало развитие ребенка, но так было принято, иначе «не поймут». Дети на празднике чинно сидели за столом, играли в интеллектуальные игры типа скрабла, участвовали в конкурсах на эрудицию и пели песни из кинофильма «Мери Поппинс» под аккомпанемент мамы именинника. Для этого во двор было перенесено электрическое пианино, на котором, как потом услышал Артем, именинник даже на каникулах играл хроматические гаммы.

Артем сначала был в шоке. И от детей — таких послушных, спрашивающих разрешения, прежде чем выйти из-за стола, и от взрослых. Здесь, и он понял это сразу, у каждого имелся свой образ, своя роль. Была бизнесвумен на отдыхе, не расстававшаяся с телефоном и четко контролировавшая выражение лица. Ее дочь — восемнадцатилетняя красотка, еще в четырнадцать обозначенная как *enfant terrible*. Дочь курила, выпуская дым в лицо приличным детям, которые кашляли в кулачок, пила самогон и дерзила, разве что не хамила собеседникам. На самом же деле — Артем это тоже сразу почувствовал — девуш-

## Маша Трауб

ка была мягкой и ранимой. И еще — очень уставшей, несмотря на свой юный возраст.

Был мужчина, этакий бонвиван, знаток оперы — приятный, располагающий и одновременно очень дистанцированный.

Коллега Артема — фам фаталь, менявшая любовников каждый сезон, но, как считало общество, до сих пор любившая только мужа, что позволяло считать ее не б..., а, напротив, страдающей женщиной.

Артем веселился, шутил и сам заразительно смеялся. Он сразу кинулся к детям, оторвал их от очередного скучного конкурса и предложил сыграть в «кродила» — кто смешнее покажет загаданного сказочного персонажа. Потом нашел сдутый футбольный мяч и быстро организовал футбол. Успокоился только после того, как лично засандалил мячом в тарелку коллеге-любовнице и увидел этих детей другими — грязными, веселыми и счастливыми. Он вместе с ними ел грязными руками праздничный торт и щипал коллегу за бедро.

— Вообще-то он не идиот, — сообщила «обществу» коллега.

Артема «погоняли» по книгам и кинокартинам, музыке и вопросам из категории «общие знания». Он, еле сдерживая смех, ответил на все, после чего ему поставили диагноз — «симпатичный, обаятельный инфантильный мальчишка».

## ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ

После нескольких замечаний, которые Артем обронил в адрес дам: отметил стильную льняную рубашку у одной, оценил туфли другой, поговорил о кризисе среднего возраста у мужчин и кризисе первого класса у ребенка с третьей, — он был признан знатоком женской физиологии и психологии. Артем отметил, что даже коллега-любовница посмотрела на него другими глазами. Его стали считать «своим» и «приняли в общество». Такие люди — веселые, легкие, обаятельные, с чувством юмора — здесь были нужны. К тому же у Артема имелось еще одно качество, которое тут особенно ценилось, — он умел слушать и считал собеседника «гением», какую бы ересь тот ни нес.

Артема за один вечер полюбили все — и дамы, и дети, и старшее поколение.

Они, «старики», втайне мечтавшие о ранней пенсии, которую хоть на неделю обретали здесь, на берегу моря, сидели на верандах, курили, выпивали, смотрели на море и ближе к обеду, делая над собой усилие, спускались вниз, к берегу. Там переодевались, обмотавшись полотенцем, и плыли к камню — у каждого был свой ориентир, свой камень, ближний или дальний. С чувством глубокого самоуважения и облегчения приплывали назад, переодевались в сухое, развешивали мокрые плавки на скале. Обсуждали температуру воды, холодное течение, вчерашний

## Маша Трауб

дождь, вновь прибывших или уехавших. Кто-нибудь из «молодых» вспоминал ночной уговор — кто последний встанет и придет на пляж, с того бутылка шампанского, — и приносили бутылку, открывали, с хлопком и брызгами, разливали в пластиковые стаканчики... Морщились, но пили.

Женщины приходили на пляж без макияжа, ныряли и плавали с головой — чтобы проснуться, избавиться от похмелья.

Здесь, на пляже, Артем выдержал второй экзамен. Дамы отметили, что он в хорошей физической форме, у него красивое тело. Мужчины признали, что он прекрасно плавает, но не старается никого «переплыть». Держится корректно, плывет в том темпе, который задает «попутчик».

С детьми он организовал игру в водное поло и показал, как прыгать со скалы рыбкой. В Артема невозможно было не влюбиться: казалось, он обладает мужской силой и женской интуицией — сумасшедшее сочетание.

— У тебя другой верх от купальника, — заметила одна из дам коллеге-любовнице Артема.

— Ага, просто моего размера не было. Были только нулевые, — не подозревая подвоха, ответила коллега.

— А у тебя разве не нулевой? — показательно удивилась дама.

Коллега обиделась, но виду не подала.

## ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ

— Дамы, вы даже не понимаете, как вы прекрасны. — Артем приобнял обеих. — Ваша грудь — это просто с ума сойти.

— Перестаньте, — начала кокетничать дама, — у меня грудь матери двоих детей.

— Я бы вам дал максимум одного! — воскликнул Артем театрально. Но дама засмеялась, поверив, улыбнулась и коллега, не поверив. Ситуация разрядилась.

Коллеге нужно было возвращаться. Артема приглашали задержаться буквально все соседи. Дети висели на нем гроздьями, умоляя не уезжать, и это было понятно — каждый вечер Артем придумывал им игры: поиски кладов, разгадки сокровищницы. Он закапывал шоколадку под деревом и рисовал план — как до нее добраться, жег бумагу, рвал на части, которые нужно было сложить правильно, писал подсказки с помощью зеркала... Он полюбил это место. Ему здесь было хорошо. Нравились люди, местность, уклад жизни, еда...

Женщины, все как одна, сидели на местном йогурте, который был любой жирности, любой консистенции, в любой таре. Йогуртная диета быстро давала результат. Помимо йогурта, женщины пили белое вино — обязательно со льдом. Как и йогурт, на завтрак, обед и ужин. Иногда вместо ужина.

Мужчины сразу переходили на местный самогон, который пился удивительно легко. И именно мужчи-



## Маша Трауб

ны готовили еду. Для детей здесь готовили отдельно, так и называли — «детский стол». Им занимались женщины. Мужчины же запекали баклажаны, резали кусками помидоры, мариновали мясо в остатках йогурта, бросали его на мангал буквально на несколько минут, чтобы «схватилось». Сыр резался тоже по-взрослому, по-мужски, толстыми кусками. Хлеб вообще не резали — отрывали кусок руками, испачканными в местном оливковом масле — вонючем и резком на вкус. Меню практически не менялось, разве что баклажаны превращались в баклажанную икру, а сыр, купленный на рынке, был в большей или меньшей степени соленым. Такое пищевое однообразие тоже не надоедало. Если уж совсем никому не хотелось готовить, шли в один из трех имевшихся здесь поблизости ресторанов, с такими же одинаковыми, не менявшимися годами, как и шеф-повар, блюдами.

Артем сначала не понимал, зачем покупать недвижимость, привязывая себя к одному месту. Ему хотелось путешествовать, менять города, гостиницы... Ведь дом не бросишь, не запустишь. А если есть собственный дом на море, то зачем ехать куда-то еще? Но с каждым сезоном он все больше проникался этой идеей. Наверное, она напоминала ему детскую дачную компанию, закадычных друзей на один или два месяца, с которыми в городе не общался, но каж-

## ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ

дый год был очень рад видеть. И представить себе лето без этих друзей было невозможно.

Сюда, погостить в этот городок, он вырывался дней на пять. Дольше уже не выдерживал — начинал скучать. Даже нет, не скучать. Его засасывало, манило это состояние ничегонеделанья. Дни летели стремительно. Так, не приходя в сознание, можно было прожить жизнь и не заметить, как это случилось.

От этого русского анклава веяло стабильностью и определенностью — во всяком случае, они знали, что будут делать следующим летом: приедут сюда, кто на две недели, кто на одну, дети, понятное дело, на все каникулы. Почти все обитатели называли свои дома дальней дачей и смеялись, переживая сразу гамму чувств: и тщеславие (у меня есть дом за границей на море), и гордость (вот какой я молодец, что купил этот дом за такую цену), и некое спокойствие (в случае чего дети дом продадут).

Здесь все начинали курить. Не просто курить, а смолить одну за одной. Сигаретное послевкусие выветривалось мгновенно, по утрам голова не кружилась после первой затяжки, а в сочетании с местным кофе, который заливали кипятком прямо в чашке, не вая, наступало состояние блаженства. И это не было преувеличением.

Отплавав утреннюю или вечернюю дистанцию, все жадно, с наслаждением затягивались сигареткой,

## Маша Трауб

откидываясь на неудобном лежаке. Раньше лежаков вообще не было — полотенца бросали прямо на бетонный настил или камни, ерзая спиной и ягодицами по крупной гальке. Никому и в голову не приходило приспособить под пепельницу банку или пустую пачку сигарет — бычки складывали в одну кучку где-нибудь под деревцем или рядом с лежаком, потом их собирал загорелый дочерна спасатель, он же официант, он же бармен.

Обсыхая на берегу, обитатели анклава договаривались, кто к кому придет на свекольник или окрошку, и медленно, задыхаясь, с никотиновой одышкой и испариной поднимались каждый на свою веранду, где, сдвинув мокрые пляжные полотенца в угол перил, чтобы не закрывали вид на море, садились и устремляли взгляд вдаль. Нет, сначала наливали себе бокал белого вина, булькая кубиками льда, жадно, прямо у холодильника, отпивали половину и только после этого садились, растекаясь телесами по стулу.

Ой, телеса — эта была неисчерпаемая тема для разговоров. После Москвы, сидячей работы нетренированное тело ныло и просило о пощаде на местных горках, пригорках и лестницах. Дамы называли свой отдых фитнес-туром — здесь поневоле все худели и подтягивались. Мужчины хмыкали, но задерживались перед зеркалом дольше обычного, отмечая подтянувшийся живот и загорелые бедра.

## ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ

После обеда уже с совершеннейшим облегчением и даже тихим счастьем ложились под гудящий вентилятор — спать, спать, спать, прикрыв живот раскрытой наобум книжечкой.

Даже дети подчинялись этому графику, в тупом безразличии утыкались в ноутбук с мультфильмом и сидели не двигаясь, не шевелясь, следя мутным взглядом за двигающимися картинками.

В пять часов пополудни анклав просыпался. Тяжело и неохотно. Как правило, из-за детей, которые начинали, гулко стуча по веранде, пинать мяч, кричать и драться. Их сплавливали на пляж окунуться, а сами вставали под холодную струю душа — освежиться, почувствовать прилив сил, а после рюмочки обнаружить в себе копошащееся желание что-то делать.

К вечеру одевались. Достоинно, продуманно. Шли в гости к соседям — можно было сигануть через невысокий забор, как делали дети. Там стоял даже стульчик для удобства спрыгивания. Если вдруг отношения не ладились и возникала напряженность, стульчик убирали и дыру в заборе украшали искусственным цветком. Впрочем, в следующий сезон стульчик опять оказывался на прежнем месте, а опрокинутый цветок валялся в кустах.

Но куда интереснее было выйти на общую дорогу и медленно, очень медленно, профланировать двести метров, чтобы зайти с лестницы. Каждый сезон